

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739 — 1791.

IV. 1)

Къ времени размовки Потемкина съ Варварою Васильевной Энгельгардтъ (1777 — 1779) относятся слѣдующія три письма отъ двухъ дамъ высшаго круга (имена ихъ неизвѣстны) пользовавшихся его расположеніемъ. Писаны онѣ по-французски—печатаясь переводъ и подлинный текстъ.

„Какъ вы провели ночь, мой милый; желаю, чтобы для васъ она была покойнѣе, нежели для меня: я не могла глазъ сомкнуть. Теперь я передъ вами вся и сама не знаю, почему мысль о васъ—единственная, которая меня одушевляетъ; но, сказать-ли? я вами недовольна. Вы казались такимъ разсѣяннымъ; что-то такое есть, что васъ занимаетъ. При первомъ посѣщеніи вашемъ вы выказали болѣе удовольствія видѣть меня. Знаю, что вечеромъ вы не были у императрицы; что вы захворали. Скажите мнѣ, я безпокоюсь и не знаю, когда получу вѣсти о васъ. Прощайте, мой ангелъ, мнѣ недосугъ сказать вамъ болѣе; множество разныхъ причинъ мѣшаетъ.

(Съ соблюденіемъ орфографіи подлинника). Comment avés vous passés la nuit, mon chér; je souhaite que vous la fassiez meilleur que moi, je n'ai pas fermer l'oeil; me voilà toute; je ne sai comment l'idée qui m'occupe de vous est la seule qui m'anime; mais, vous dirai-je, que je ne suis pas contente de vous. Vous aviez l'aire si distroit; il faut qu'il y aye quelque chose qui vous occupe; la première fois que vous avés étoit, le plaisir de me voir paressoit d'avantage: je sais que vous n'avés été chez l'Impératrice le soir et vous vous

1) См. «Русскую Старину» изд.

„Я проѣзжала мимо вашего дома и видѣла большое освѣщеніе; вы, безъ сомнѣнія, играли въ карты. Милый князь, если бы только вы могли принести мнѣ эту жертву — не такъ сильно предаваться игрѣ! Это только разстраиваетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, любезный другъ мой! докажите мнѣ, что можете что-нибудь для меня сдѣлать и не засиживайтесь, какъ вы это дѣлаете, до четырехъ и до пяти часовъ за полночь. Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья. Завтра балъ у великаго князя — надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ тамъ. Жду этого удовольствія съ нетерпѣніемъ; при этой мысли только исчезаетъ мое безпокойство, иначе я имѣю видъ виноватой предъ цѣлымъ свѣтомъ.

„Я только что проснулась и мнѣ подали присланные вами цвѣты; премного вамъ обязана, сердце мое! Желаю, чтобы здоровье ваше поправилось, чтобы я могла видѣть васъ веселымъ и счастливымъ, какимъ видѣла васъ во снѣ нынѣшнюю ночь: вы были такъ любезны, казалось любите меня отъ всего сердца. Прощайте, расстаюсь съ вами; мужъ мой придетъ сейчасъ ко мнѣ. А когда же вы что-нибудь сдѣлаете для моего сына? Я желала бы, чтобы онъ былъ въ вашемъ Новотроицкомъ полку.“

Слѣдующія два письма отъ другой пріятельницы Потемкина писаны страннымъ языкомъ, представляющимъ образецъ той смѣси французскаго съ русскимъ, которая была въ такой модѣ у нашей знати въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія:

tombés malade; dites-moi, cela m'inquiète et je ne sais, quand j'aurais de vos nouvelles; adieu, mon ange, je n'ai pas le temps de vous dire d'avantage, tout plein de chose m'empêche.

J'ai passés vis-à-vis de votre maison et j'ai vu beaucoup de lumière. Vous etiés, sans doute à jouer aux cartes. Mon chér prince, si vous puissiez me faire ce sacrifice, et de ne point vous donnés tant au jeux? Cela ne fait que détruire votre santé. Faites moi ce plaisir, mon aimable ami, marqués moi que vous faites quelque chose pour moi et ne restés pas, comme vous faites jusqu'a quatre ou cinq heures après minuit. Il n'y a rien de plus nuisible à la santé. Il y a demain bal chés Monseigneur: j'espère avoir le plaisir de vous voir la. J'attends ce plaisir avec impatience, c'est la seulement que mon inquiétude me quitte; autrement j'ai l'aire d'être coupable vis-à-vis de tout le monde.

Je ne fait que reveiller et on m'apporte de votre part des fleures; je vous suis bien obligée mon coeur. Je souhaite que vous vous portiés bien et que je puisse vous voir gai et heureux comme j'ai revé cette nuit; vous etiés si aimable, vous aviés l'aire de m'aimer de tout votre coeur; adieu je vous quitte mon mari va venir chés moi, et quand donc ferai vous quelque chose pour mon fils; je voudroi que se soit dans votre régiment Новотроицкой.

„Матинька, какъ досадно, я тебя такъ издали только видѣла, а такъ хотѣлось тебя поцѣловать, ты мой милый дружочекъ. *Moi voila maussade pour la journée* (и я не въ духѣ на весь день). Матинька, *pour sûr vous n'irez pas au concert de Prati* (навѣрное вы не поѣдете въ концертъ Прати...) *je ne puis me souffrir aujourd'hui* (я сама себѣ несносна сегодня); возможно-ли, какая дура, не подошла къ тебѣ. *Mon ami grondez moi, car je le mérite, mais c'est que vous êtes toujours entouré de tout le monde, et pour surcroit de malheur, il prend la fantaisie à nos frères d'aller dans l'église—и такъ—je ne vous ai pas vû.* (Другъ мой, браните меня, ибо я того заслуживаю, но дѣло въ томъ, что васъ всегда всѣ окружаютъ и, къ довершенію несчастія, нашимъ фрейлинамъ приходитъ фантазія въ церковь ходить, и такъ, я не видала васъ). Боже мой, какъ мнѣ досадно, мочи нѣтъ! *Dites-moi au moins si vous m'aimez* (скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, любите-ли вы меня) мой миленькой. *C'est la seule chose qui peut me reconcilier avec moi-même* (только это одно можетъ примирить меня саму съ собою). Матинька, *quand vous verrai-je* (когда я васъ увижу), моя жизнь! Завтра недѣля, что я не видала тебя, душенька; *je vous prie, mon coeur, dites moi quand est-ce que cela sera* (прошу васъ, сердце мое, скажите, когда это будетъ)... Пожалуйста, заѣзжай когда-нибудь ко мнѣ, мнѣ бы хотѣлось всякую минуту быть съ тобою; все бы тебя цѣловала, да тебѣ бы надоѣла; *je vous écris devant un miroir* (пишу къ вамъ передъ зеркаломъ) и мнѣ кажется, что я съ тобою болтаю *et je vous dis tous ce qui me vient dans la tête* (и говорю вамъ все, что на умъ взбредеть). *Crainte de vous ennuyer pourtant, il faut que je finisse en vous embrassant partout avec une tendresse qui part du fond d'un coeur qui vous est attaché par tous les plus tendrs sentimens* (боюсь однако вамъ наскучить, я должна кончить, цѣлуя васъ всего съ нѣжностью, исходящей изъ глубины сердца, привязаннаго къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими чувствами)“.

„Матинька моя, душа моя, милый мой дружочекъ; *je vous aime à la folie; que je vous embrasse un million de fois avant que vous partiez, car jé vu arriver vos huit chevaux; mon unique ami, qu'il m'est doux de m'entretenir avec vous* (я люблю васъ до безумія; дайте мнѣ разцѣловать васъ миллионъ разъ до вашего отъѣзда, такъ какъ я видѣла, что поданъ былъ вашъ восмерникъ; мой единственный другъ, какъ мнѣ сладко бесѣдовать съ вами), моя жизнь. *Vous êtes unique, il faut avouer de toutes façons* (вы единственны, должно въ томъ сознаться во всѣхъ отношеніяхъ). Матинька, ты слишкомъ трудисься. *Je vous prie, mon coeur, faites trouver de grace la bible: j'ai*

grande envie de lire; à-propos mon ami, Prati me prie de vous rappeler pour ces billets; hier je n'ai pas songé a vous le dire. Je vous embrasse trente millions de fois et avec une tendresse qui s'augmente à chaque moment (прошу васъ, сердце мое, прикажите, пожалуйста, достать мнѣ библию: мнѣ очень хочется почитать; кстати мой другъ, Прати проситъ меня напомнить вамъ объ этихъ билетахъ; вчера я не догадалась сказать вамъ. Цѣлю васъ тридцать милліоновъ разъ съ ежеминутно возрастающею нѣжностью); пальчики и бѣленькія ножки цѣлю въ мысляхъ. Матинька, очень я тебя люблю, другъ мой сердечный; батинька поцѣлуй меня въ мысляхъ; не хочется мнѣ съ тобой расстаться, mais il faut, Adieu (но надо, прощай) моя жизнь“.

Вотъ еще письмо къ Потемкину, свидѣтельствующее объ его успѣхахъ въ Петербургскомъ обществѣ 1770-хъ годовъ. Писано оно одной изъ придворныхъ дамъ:

„Гришенька не милой, потому что милой, я очень не могу: грудь болить и голова, и право не знаю, выйду-ли сегодня, или нѣтъ; а если выйду, то это будетъ для того, что я тебя болѣе люблю. нежели ты меня любишь, что я доказать могу, какъ два и два — четыре; выйду, чтобъ тебя видѣть. Не всякой, вѣдь, надъ собою столько власти имѣеть, какъ вы, и не всякой такъ уменъ, такъ хорошъ, такъ приятенъ... Не удивляюсь, что весь городъ безсчетное число женщинъ на твой счетъ поставилъ: никто на свѣтѣ столько не гораздъ съ ними возиться, я чаю, какъ вы. Мнѣ кажется, во всемъ ты не рядовой, но песьма отличаешься отъ прочихъ. Только одно прошу: не дѣлать, не вредить и не стараться вредить N. N. въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человека, котораго онъ болѣе мнѣ хвалилъ, и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ съ самаго пріѣзда твоего — какъ тебя; а если онъ свои пороки имѣеть, то не тебѣ и не мнѣ ихъ разцѣнить и расславить (онъ тебя любилъ, а мнѣ они друзья и я съ ними не расстанусь). Вотъ тебѣ правдоученье: уменъ будешь — примешь; не умно будетъ противорѣчить сему, для того, что сущая правда.

„Чтобъ мнѣ смыслъ имѣть, когда ты со мною, надобно чтобъ я глаза закрыла; а то подлинно сказать могу то, что взоръ мой тобою плѣвненъ; экспресія, которую я почитала за глувую, не събыточную и не нормальную, а теперь вижу, что это быть можетъ: глупше мои глаза уставятся на тебя смотрѣть; разсужденія ни на копейку въ умъ не лезеть, а одурѣю Богъ-вѣсть какъ. Мнѣ трудно и надобно дня съ три (если возможность будетъ), съ тобою не ви-

дѣться, чтобъ умъ мой установился и я-бъ память нашла, а то мною скоро скучать станешь и нельзя иначе быть. Я на себя сегодня очень-очень сердита и бранилась сама съ собою и всячески старалась быть умнѣе; авось-либо силы и твердости какъ-нибудь да достану; перейму у васъ — самый лучший примѣръ передъ собою имѣю: вы тверды и непоколебимы въ своихъ принятыхъ намѣреніяхъ, чему доказательствомъ служить и то, сколько лѣтъ (вы говорите), что старались около насъ, но я сіе не примѣтила, а мнѣ сказывали другіе. Прощай миленькой; всего дня съ три осталось для нашего свиданія, а тамъ первая недѣля поста—дни покаянія и молитвы, въ которыхъ васъ видѣть никакъ нельзя будетъ ибо всячески дурно: мнѣ же говѣть должно.

„Уфъ! я вздумать не могу и чуть что не плачу отъ мыслей сихъ однѣхъ. Adieu, monsieur, напиши, пожалуйста, каковъ ты сегодня: изволилъ-ли опочивать, хорошо или нѣтъ и лихорадка продолжается-ли и сильна-ли? П* тебѣ скажетъ: „изволь, сударь, отвѣдать хину, хину, хину!“ Куда какъ бы намъ съ тобою бы весело было вмѣстѣ сидѣть и разговаривать, еслибъ другъ друга меньше любили: умнѣе бы были, веселѣе; вѣдь и я весела, когда умъ, а напротивъ сердце свободно; вѣдь не повѣришь, радость, какъ нужно для разговора, чтобъ менѣ дѣйствовала любовь.

„Пожалуй, напиши, смѣялся-ли ты, читая сіе письмо, ибо я такъ и покатила со смѣху, какъ, по написаніи прочла, какой вздоръ намарала: самая горячка съ бредомъ; да пусть поѣдетъ, авось-либо и ты позабавишься“.

Несмотря на обиліе красавцевъ при дворѣ Еватерины II, Потемкинъ оставялъ ихъ всѣхъ далеко за собою; соперничать съ нимъ было трудно и на это отваживались немногіе. Съ іюня 1777 года до мая 1778 г. при дворѣ возбудилъ нѣкоторое вниманіе адъютантъ Потемкина—Семень Гавриловичъ Зоричъ.¹⁾ Происхожденіемъ сербъ,²⁾ онъ съ отличіемъ служилъ въ нашихъ войскахъ въ первую турецкую кампанію (1768.—1774) и обратилъ на себя вниманіе Потемкина. Красавецъ собою, Зоричъ отличался добро-

¹⁾ Семень Гавриловичъ Зоричъ умеръ въ среднихъ лѣтахъ въ 1799 г. См. «Русская Старина», томъ IV, 118—120; VIII, 730.

²⁾ Такъ говоритъ Массонъ: Mémoires secrets sur le Russie, I, p. 154), называя Зорича «сербомъ бѣжавшимъ съ каторги изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ въ плѣну». Гельбингъ (Russische Günstlinge, s. 414) говоритъ, будто онъ былъ сыномъ майора и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

душіемъ, былъ острый, пріятный собесѣдникъ; покровительствуя ему, Потемкинъ видѣлъ въ Зоричѣ представителя того единовѣрнаго намъ народа, присоединеніе котораго къ русской державѣ было тогда завѣтною мечтою свѣтлѣйшаго князя. Милостиво принятый при дворѣ (немедленно по удаленіи Завадовскаго), Зоричъ былъ възскаанъ необычайными щедротами императрицы, пожаловавшей его въ флигель-адъютанты. Вотъ, что по этому случаю рассказываетъ Гельбигъ (*Russische Günstlinge*, s. s. 415—416 г.). «На него посыпались почести, награды, богатства... въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ онъ получилъ чистыми деньгами болѣе пяти-сотъ тысячъ рублей; изъ нихъ двадцать тысячъ на первое обзаведеніе; восемьдесятъ тысячъ на устройство помѣстьевъ; двѣсти сорокъ тысячъ на уплату долговъ и на жалованье. Кромѣ того, даны ему полторы тысячи душъ врестьянъ; на сто двадцать тысячъ куплено помѣстьевъ въ Лифляндіи у гр. Бутурлина. А какъ и это все еще казалось недостаточнымъ, то императрица изъ собственной кассы прибавила еще доходы съ тѣхъ имѣній за послѣднія десять лѣтъ. Потомъ ему дали командорство мальтійскаго ордена въ Польшѣ, приносившее десять тысячъ годового дохода и, наконецъ, подарили значительный городокъ въ Польшѣ, купленный у кн. Адама Чарторижскаго, за четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей. Его брилліанты стоили двѣсти тысячъ слишкомъ. Въ день коронаціи 1777 года онъ получилъ цѣлый брилліантовый приборъ: звѣзду и орденскій знакъ Меча, аксельбантъ, саблю (такъ какъ онъ постоянно носилъ гусарскій мундиръ), султанъ на шапку, перетень, запонку и пряжки къ башмакамъ. И гордости его было польщено: помимо бригадирскаго чина онъ былъ пожалованъ въ генерал-маіоры и генерал-адъютанты къ императрицѣ. Изъ русскихъ орденовъ онъ имѣлъ тогда только военный орденъ 4-й степени, заслуженный храбростію; у него были и иностранные ордена. Въ августѣ 1777 года мальтійскій гросмейстеръ прислалъ Екатерину въ ея распоряженіе два креста. Изъ нихъ одинъ она дала Рибасу, ¹⁾ а другой — Зоричу. Бывшій тогда въ Петербургѣ шведскій король пожаловалъ ему, какъ военному, орденъ Меча и выслалъ изъ Гельсингфорса боль-

¹⁾ Осипъ Михайловичъ Рибасъ († 1800 г.). См. «Русская Старина». томъ V. 38, 241, 467; VIII, 368; X, 774.

пую желтую ленту. Наконецъ, выписали ему изъ Варшавы еще орденъ Бѣлаго Орла.

Всѣ эти щедроты пробудили въ Зоричѣ чувства тщеславія и онъ дозволилъ себѣ дичиться передъ Потемкинымъ. Это побудило князя положить предѣлъ повышеніямъ Зорица. Опала рушилась на него въ маѣ 1778 года. Дворъ находился тогда въ Царскомъ Селѣ. Замѣтивъ неблагорасположеніе къ себѣ государыни и зная, что причиною тому Потемкинъ, Зоричъ наговорилъ ему дерзостей, даже вызвалъ на поединокъ. Однако же, не принимая вызова, Потемкинъ уничтожилъ противника: Зоричъ былъ удаленъ изъ Петербурга и до воцаренія императора Павла I не показывался при дворѣ.

Въ концѣ мая 1778 года, изъ отпуска своего въ Малороссію возвратился Завадовскій и занялъ при императрицѣ прежнюю должность статс-секретаря. На этотъ разъ онъ уже не отваживался вступать въ борьбу съ Потемкинымъ, который, въ свою очередь, не вредилъ Завадовскому на служебномъ поприщѣ.

Государственная дѣятельность Потемкина въ 1778 году была ознаменована основаніемъ при устьѣ Днѣпра, города Херсона, съ корабельною верфью, весьма счастливыми дѣйствіями относительно Крыма и проч.

Въ маѣ 1780 года Потемкинъ прибылъ въ Кременчугъ, откуда отправился въ быстро возрастающій Херсонъ; дѣятельно занимался заселеніемъ Новороссіи; изъ огромной по пространству и населенію губерніи Астраханской образовалъ двѣ: Астраханскую и Саратовскую; положилъ основаніе Моздокской (Кавказской) линіи. Склонилъ на нашу сторону императора Іосифа II въ бытность его въ томъ году въ Россіи; отвергнулъ выгодныя для него лично предложенія Англій, пытавшейся отвлечь русскій дворъ отъ вооруженнаго нейтралитета. По части военнаго хозяйства и обмундированія войскъ обдумалъ и частію привелъ въ исполненіе преобразование формы (сперва въ кавалерійскихъ, потомъ въ пѣхотныхъ полкахъ) имѣвшее цѣлью облегченіе и удобства солдата, особенно въ военное время.

Отдавая справедливость трудамъ Потемкина, Екатерина II, въ сентябрѣ 1782 г. возложила на него недавно учрежденный орденъ св. Владиміра 1-й ст. Полный титулъ Потемкина былъ тогда слѣдующій: «свѣтлѣйшій римской имперіи князь, генерал-аншефъ, се-

наторъ, государственной военной коллегіи вице-президентъ, новороссійскій, азовскій, астраханскій и саратовскій генерал-губернаторъ и государевъ намѣстникъ; войскъ, тамъ поселенныхъ, днѣпровской (перекопской) и новозаведенной моздокской (кавказской) линій главный командиръ; генералъ, командующій легвою конницею, войскомъ донскимъ и всѣми иррегулярными войсками; ея императорскаго величества генерал-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, кавалергадскаго корпуса поручикъ, лейб-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ, Новотроицкаго кирасирскаго полка шефъ, надъ войсками генерал-инспекторъ, мастерской оружейной палаты верховный начальникъ и орденовъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-го класса и св. Владиміра 1-й степени; королевско-прусскаго: Чернаго Орла, польскихъ: Бѣлаго Орла и св. Станислава, шведскаго: Серафима, датскаго Слона и голштинскаго св. Анны—кавалеръ».

Волненія и неурядицы въ Крыму, возникшія въ іюлѣ 1782 г., обратили снова вниманіе Россіи на этотъ полуостровъ: Шагин-Гирей, уstraшенный мятежемъ, бѣжалъ въ Керчь; турки, вопреки условію, заняли Тамань и угрожали переправкою въ Крымъ. Потемкинъ немедленно распорядился, поручивъ генерал-поручику П. С. Потемкину, оттѣснить турокъ за Кубань, А. С. Суворову — усмирить волновавшихся нагайскихъ и буджатскихъ татаръ, а генерал-поручику гр. де-Бальменъ, занимавшему съ войсками сѣверную часть полуострова, войти въ его предѣлы и водворить спокойствіе. Весною 1783 года начальникъ вице-адмиралъ Клокачевъ, по повелѣнію Потемкина, оставя нѣсколько судовъ въ Керчи, пошелъ на Ахтиарскую гавань (Севастополь), гдѣ Бальменъ возвелъ укрѣпленія. Самъ князь велъ съ Шагин-Гиреемъ переговоры, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе его племянникъ, генерал-маіоръ А. Н. Самойловъ. Послѣдній убѣдилъ хана изъ Керчи переправиться въ крѣпость Петровскую, куда онъ и отправился со своими драгоценностями. Присоединеніе Крыма къ русской державѣ совершилось. Именно въ этой рѣшительной минутѣ относится слѣдующее письмо Потемкина къ императрицѣ:

1-е іюня (1783). Херсонъ.

„Матушка государыня! Ханъ свой обозъ на Петровскую крѣпость отправлять уже началъ, послѣ чего и самъ въ Херсонъ будетъ скоро. Резонъ, что я манифестовъ при немъ не публикую есть тотъ, что татара сами отзываются, что при ханѣ, они желанія быть въ подданствѣ российскомъ объявить не могутъ, потому что только тогда повѣрять низложенію ханства, когда онъ выѣдетъ. Самовольное же ихъ покореніе тѣмъ полезнѣе дѣламъ вашимъ, что нельзя уже никому будетъ грозить и тѣмъ, что ихъ къ подданству принудили; я не упускаю ничего къ приуготовленію умовъ.

„Въ Очаковѣ починка крѣпости начинается; войско прибываетъ по малу; я теперь началъ Кинбурнъ приводить въ оборонительное состояніе, которой положеніемъ своимъ не подрученъ быть поддерживаемъ отъ какого-либо корпуса, и такъ надлежитъ его поставить на долгую оборону.

„Адмиралтейство здѣшнее ни копѣйки денегъ не имѣетъ, такъ что и рабочимъ платить нечѣмъ, кромѣ тѣхъ, что на плотниковъ отпускаются. Комисію я учредилъ, чтобы изслѣдовать расходы, но сего скоро сдѣлать не можно, а при томъ и барыша мало будетъ; найдутся только дорогія цѣны, а не деньги. Чтобы не остановить работъ, которыя такъ горячо пошли, благоволите поддержать; что касается до городскихъ строеній, сіи достаточно своими деньгами исправятся.

„Предъ симъ представилъ я о доставленіи слѣдуемаго числа людей въ адмиралтейство; сдѣлайте, матушка, милость, прикажите ихъ командировать, они бы замѣнили въ работѣ армейскіе полки, которымъ теперь нѣту способа уже людей удѣлать на работы; сверхъ содержанія разныхъ постовъ, ими я производить буду строеніе въ Кинбурнѣ и на глубокой пристани. Осадная артилерія почти уже вся доставлена въ Херсонъ; огромное число и такъ большихъ орудій я не замедлил скоро доставить, не требуя на сіе новой суммы, а изворотился старомъ и экстраординарной экономіею; число орудій почти въ пять разъ больше того, что было подъ Бендерами.

„Повторяя мою просьбу о снабженіи адмиралтейства Херсонскаго деньгами и людьми, доношу, что первой корабль спустится „Слава Екатерины“; позвольте мнѣ дать сіе наименованіе, которое я беру съ оправданіемъ и въ случаѣ дѣйствительномъ. Цѣлую ручки ваши, вѣрнѣйшій рабъ, князь Потемкинъ“.¹⁾

(Сбоку страницы): „Александрѣ Дмитріевичу кланяюсь“.

¹⁾ Подлинникъ писанъ на переплетномъ пополамъ полулистѣ сѣровой бумаги, списаны кругомъ всѣ четыре

Вмѣстѣ съ Крымомъ покорились Тамань и вся Кубанская страна. Неудовольствія Турціи были улажены стараніями нашего чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, Якова Ивановича Булгакова¹⁾ Отклонивъ Диванъ отъ войны, онъ заключилъ съ нимъ, 20-го іюня 1783 года, весьма выгодный для Россіи торговый трактатъ, а 28-го декабря актъ, которымъ Цорта уступала Россіи Кубань, и отказывалась отъ всякихъ притязаній на Крымъ. Отдавая Булгакову должную справедливость, Потемкинъ писалъ къ нему:

. Вы приписываете это мнѣ и тѣмъ увеличиваются еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были побѣждены, но русская кровь также бы потекла²⁾.

Достопамятный въ жизни Потемкина 1783 годъ былъ ознаменованъ кончиною двухъ знаменитыхъ сподвижниковъ Екатерины: 31-го марта 1783 г. скончался графъ Никита Ивановичъ Панинъ; а въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля не стало князя Григорія Григорьевича Орлова. По поводу его кончины считаемъ не лишнимъ снять съ памяти Потемкина упрекъ напрасный и незаслуженный.

Князь Григорій Орловъ скончался въ помѣшательствѣ, признаки котораго проявлялись въ немъ еще лѣтъ за десять до смерти, о чемъ свидѣлствуютъ многіе современники. Иностранныя историки, особенно изобрѣтательные на вымыслы, когда видятъ надобность запятнать какого-либо русскаго дѣятеля, приписали помѣшательство и смерть Орлова отравѣ; убійцею назвали Потемкина. Такъ Массонъ, авторъ «Секретныхъ записокъ о Россіи» (*Mémoires secrets sur le Russie. Londres 1802. Tome I, p. 147*), говорить:

— «Гордый, могущественный, блестящій Орловъ умеръ въ ужасномъ помѣшательствѣ, пачкая себѣ лицо изверженьями, которыми онъ питался, подобно Іезекілю. Многіе утверждаютъ, будто Потемкинъ отравилъ его травою, пьющею свойство сводить съ ума и называемою у русскіхъ «пьяная трава»²⁾»

¹⁾ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 † 1809). См. «Русская Старина», томъ IV, 690; V, 767—768; VIII, 867.

²⁾ Тотъ же Массонъ говоря о смерти Ланскаго, замѣчаетъ: «Потемкинъ его боялся и говорить отравилъ». (*Mémoires, I, p. 156*).

Гельбигъ (*Die Russische Günstlinge*, s. s. 278—280) также говоритъ объ отравѣ, рассказывая о послѣднихъ дняхъ князя Орлова, и впадаетъ въ грубые анахронизмы:

— «Послѣ смерти жены, Орловъ, въ 1782 году, возвратился въ Петербургъ. Здѣсь на прежней сценѣ своего могущества онъ пришелъ снова въ тревожное состояніе.

«Своими рѣзкими и необдуманнми рѣчами онъ увеличилъ число своихъ враговъ. Вполнѣ достовѣрно (!), что эти люди дали ему медленнаго яду, переносимаго, по возможности, его крѣпкою натурою, но дѣйствіе котораго замѣчалось въ нѣкоторомъ потрясеніи мозга. Впрочемъ, эта душевная тревога смѣнилась спокойствіемъ, иногда продолжительнымъ. Вопреки прежнимъ привычкамъ, Орловъ сталъ одѣваться по старинному боярскому обычаю, хотя и съ соблюденіемъ роскоши. Какъ ни дѣльно было многое, что онъ говорилъ, но вредила этому излишняя смѣлость. Враги его, втайнѣ радуясь этому странному, но и опасному для него поведенію, наружно соболѣзновали печальнымъ для него послѣдствіямъ потери супруги, и не пропускали случая благонамѣренно намекать императрицѣ о несообразности мнѣній ея бывшаго любимца. Однако Екатерина ограничилась тѣмъ, что дала ему почувствовать его паденіе. Орловъ не на столько былъ помѣшанъ, чтобы не понять, что его вліяніе съ каждымъ днемъ слабѣетъ; но за то сознаніе это еще болѣе приводило умъ его въ расстройство. Онъ уже не одинъ разъ рѣзко обращался къ императрицѣ; теперь же дѣлалъ это при постороннихъ, въ лицѣ всего двора. Такъ замѣтилъ онъ ей, по случаю опалы графа Панина, прежде ему ненавистнаго, а нынѣ, къ которому относился онъ равнодушно—что она, окруженная негодными людьми, хорошо сдѣлала, удаливъ отъ себя единственнаго честнаго человѣка. Всему двору Орловъ объявилъ, что хотя ему и недолго остается жить, но онъ желалъ бы дожидаться возвращенія великаго князя изъ путешествія.

«Понятно, что враги не дали ему дотянуть даже до этого близкаго срока. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены Орловъ заболѣлъ. Въ минуты помѣшательства онъ представлялъ двору ужасное зрѣлище. Ему мерещилась кровавая тѣнь, жалобно вопіящая о наказаніи убійцы на страшномъ судилищѣ. Недолго еще боролась крѣпкая натура Орлова со смертью, но наконецъ и она изнемогла. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1783 года, въ страшномъ отчаяніи».

Росказаньямъ иноземцевъ противопоставимъ цифры и факты. Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ 25-го октября 1782 г., уже въ ослабленіи умственныхъ способностей; въ ноябрѣ доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды на его излеченіе. Вскорѣ послѣ того онъ отвезенъ былъ братьями въ Москву и до самой кончины жилъ въ Нескучномъ.

Какъ Потемкину, такъ и другимъ врагамъ Орлова не было ни цѣли, ни расчета убивать несчастнаго безумца, еще лѣтъ за шесть до кончины утратившаго при дворѣ всю силу и значеніе.

V.

2-го февраля 1784 года Потемкинъ былъ пожалованъ въ генерал-фельдмаршала, кромѣ того, онъ былъ назначенъ: генерал-губернаторомъ Крыма (наименованнаго Таврическою областью), президентомъ военной коллегіи¹⁾ и шефомъ кавалергардскаго корпуса. Какъ президентъ военной коллегіи, онъ обратилъ особенное вниманіе на усиленіе защиты Оренбургскаго края, и съ этою цѣлю были сформированы шесть полевыхъ баталіоновъ и одинъ драгунскій полкъ. Въ составѣ войскъ послѣдовали большія, существенныя перемѣны. Въ 1784 и 1785 годахъ Потемкинъ увеличилъ число гренадерскихъ полковъ, до десяти, въ составѣ каждый изъ четырехъ баталіоновъ; прибавилъ два новыя мушкетерскіе полка; вмѣсто прежнихъ егерскихъ баталіоновъ, учредилъ семь четырехбаталіонныхъ егерскихъ корпусовъ и сдѣлалъ еще другія перемѣны, значительно умножившія число регулярныхъ войскъ. Въ первой половинѣ 1786 года армейская пѣхота и кавалерія простирались до 260,000 человекъ въ составѣ 5-ти полковъ кирасирскихъ, 19-ти карабинерныхъ, 10-ти драгунскихъ, 16-ти легкоконныхъ, 10-ти гренадерскихъ, 59-ти мушкетерскихъ, 7 корпусовъ и 2-хъ баталіоновъ егерскихъ и 14-ти баталіоновъ полевыхъ мушкетерскихъ. Изъ карабинерныхъ полковъ — десять, а изъ кирасирскихъ — одинъ составляли конницу малороссійскую; а изъ легкоконныхъ: девять — екатеринославскую и семь — украинскую, сообразно тому, какихъ губерній людьми эти конницы комплектовались. Для всѣхъ этихъ войскъ, 10-го апрѣля 1786 г., были утверждены новыя штаты и табели.

Входя во всѣ подробности военнаго хозяйства и заботясь объ улучшеніи быта солдатъ, Потемкинъ ввелъ нѣкоторыя ограниченія во власти субалтерн-офицеровъ для прекращенія жестокости ихъ обхожденія съ нижними чинами; подвелъ подъ вѣдѣніе высшаго начальства провѣрку солдатскихъ артелей, то есть складокъ изъ ихъ жалованья и наградныхъ денегъ. Въ обмундировкѣ войскъ, при соблюденіи однообразія формы, всѣ преобразованія, предпри-

¹⁾ На мѣсто графа Захара Григорьевича Чернышева (род. 1722) тогда при смерти больного и скончавшагося 29-го августа 1784 года.

²⁾ Шефомъ кавалергардскаго полка, до Потемкина, былъ князь Григорій Орловъ.

нятыя Потемкинымъ, клонились къ доставленію солдатамъ возможныхъ удобствъ. Съ этою цѣлію фельдмаршаломъ былъ составленъ проектъ, высочайше одобренный. Проектъ заключался въ отмѣнѣ у нижнихъ чиновъ пудры, бублей и косъ; въ замѣнѣ длинныхъ кафтановъ куртками, узкихъ панталонъ и штиблетъ — просторными шароварами; треугольныхъ шляпъ — поярковыми касками, съ султанами изъ конскаго волоса, и двумя суконными лопастями на задней части головного убора, которые въ зимнее время могли замѣнять башлыкъ, защищая отъ холода уши и щеки солдатъ. «Я употребилъ всю мою возможность къ избѣжанію излишества» — писалъ Потемкинъ по этому поводу къ императрицѣ — и облача человѣка, далъ однако же ему все, что можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Представляя сіе на высочайшую апробацію, могу увѣрить В. И. В., и самое время покажетъ, что таковое ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго вашего милосердія. Армія российская, извлеченная изъ мѣки, не перестанетъ возносить молитвы. Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишаясь щегольскихъ оковъ, конечно, поворотливѣе и храбрѣе». Много здравыхъ сужденій, опережающихъ вѣкъ и идущихъ въ разрѣзъ тогдашнимъ понятіямъ о требованіяхъ солдатской службы, высказываетъ Потемкинъ въ своемъ проектѣ.¹⁾

Высочайше одобренное (4-го апрѣля 1783 года) распоряженіе Потемкина объ одеждѣ и вооруженіи войскъ, въ теченіе семи лѣтъ осуществляемое, безъ сомнѣнія, имѣло благотворное вліяніе какъ на бытъ нижнихъ чиновъ, такъ и на военное хозяйство, сберегая время, деньги и силы. Если бы идея Потемкина была поддерживаема и въ послѣдующія царствованія, то въ русскихъ войскахъ могла бы выработаться собственная, своеобразная обмундировка, соответственная привычкамъ народнымъ и требованіямъ климата. Къ сожалѣнію, преемникъ Екатерины II, отмѣняя, передѣлывая почти всѣ учрежденія ея царствованія, въ особенности по военной части, опять преобразовалъ обмундировку по прусскому образцу и, вслѣдствіе этого, на полвѣка отдалилъ облегченіе тѣхъ тягостей военного быта, которыя только нынѣ.

¹⁾ Этотъ весьма интересный документъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 723—726.

въ наше время, при благотворныхъ, всестороннихъ преобразованіяхъ по военному вѣдомству, перешли въ область преданій. Во всякомъ случаѣ за Потемкинымъ, въ глазахъ потомства, та неотъемлемая заслуга, что онъ первый, послѣ Петра Великаго, отважился на великое дѣло—преобразование русской арміи.

Имя Потемкина займетъ почетное мѣсто въ исторіи нашего Черноморскаго флота. Въ 1784—1786 годахъ въ Херсонѣ была устроена новая верфь; Севастополь избранъ главнымъ портомъ; мелкія суда строились на элингахъ при устьи Софій. Рабочихъ выписывали изъ внутреннихъ губерній; корабельный лѣсъ пригоняли изъ Польши, Бѣлоруссіи и Воронежа; желѣзо заготавливали на сибирскихъ заводахъ и препровождали чрезъ Таганрогъ въ Севастополь и въ Херсонъ. Лѣтомъ 1783 года, въ послѣдній изъ этихъ городовъ, явились морскія команды и нашли спущенными на воду 74-хъ пушечный корабль «Слава Екатерины» и 50-ти пушечный фрегатъ «Св. Георгій», которые были отведены въ Севастополь. Къ 1784 году небольшая эскадра, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Войновича,¹⁾ уже крейсеровала у береговъ Крыма, а въ 1785 году (13-го августа) состоялся штатъ черноморскаго адмиралтейства и флота, которыхъ непосредственнымъ начальникомъ былъ назначенъ Потемкинъ, съ званіемъ главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ.

Не мало было сдѣлано Потемкинымъ для Новороссійскаго края.

Главнымъ предметомъ заботливости князя была Екатеринославская губернія, 30-го марта 1783 года переименованная въ намѣстничество и имѣвшая главнымъ городомъ Кременчугъ. 10-го февраля 1784 года, по предложенію Потемкина, послѣдовало повелѣніе объ упраздненіи прежнихъ крѣпостей украинской и днѣпровской линій²⁾ и о замѣнѣ ихъ пятнадцатью новыми. Всѣ имъ же указаные пункты были приведены въ оборонительное положеніе. По его ходатайству послѣдовали многіе указы, клонившіеся къ прямому благосостоянію Новороссійскаго края. 10-го іюня 1784 г. повелѣно было употребить всевозможное стараніе къ разведенію лѣсовъ въ степяхъ екатеринославскихъ и таврическихъ. Князь выписывалъ изъ чужихъ краевъ опытныхъ садоводовъ для насажденіи

¹⁾ Умеръ въ 1808 г. См. о немъ «Рус. Стар.» изд. 1872 г. томъ V, стр. 144.

²⁾ Таганрогъ, крѣпость св. Елисаветы, Переволочна, Бахмутъ, Торъ, Изюмъ, крѣпость св. Дмитрія.

шелководичныхъ садовъ, виноградниковъ и законтраговывавъ мастеровъ по части шелководства и винодѣлія. 4-го сентября послѣдовала именной указъ объ учрежденіи въ Екатеринбургскомъ намѣстничествѣ университета. Потемкинъ самъ назначилъ нѣкоторыхъ профессоровъ и независимо отъ суммы, опредѣленной правительствомъ, пожертвовалъ на его содержаніе часть собственныхъ доходовъ. Война 1787 г. помѣшала исполненію этого великаго дѣла. 13-го октября 1786 года императрицею была утверждена планъ новому губернскому городу намѣстничества, названному, по прошенію Потемкина Екатеринбургемъ. Народонаселеніе Новороссійскаго края возрастало съ каждымъ годомъ и къ 1787 г. умножилось 150,000 душъ переселенцевъ обоего пола разныхъ націй и вѣроисповѣданій.

Таврическая область (Крымъ), раздѣленная на семь уѣздовъ, одновременно съ Новороссійскимъ краемъ, была предметомъ заботливости Потемкина. Жителямъ была предоставлена совершенная свобода вѣроисповѣданія; каймаканы, кадін и муфтіи оставлены при тѣхъ же должностяхъ, которыя занимали во время хановъ; князьямъ и мурзамъ пожалованы были дворянскія права; кромѣ того, жителямъ дозволено было составить «національное таврическое войско» и т. д.

Въ Петербургѣ Потемкинъ бывалъ наѣздами и на короткіе сроки. Труды его дали поводъ завистникамъ къ наговорамъ и клеветамъ, основою для которыхъ служила догадка; будто на Тавриду и на Новороссійскій край Потемкинъ смотритъ какъ на свою собственность, далеко простирая властолюбивые замыслы. Подъ осень 1786 года, обиженный холодностью государыни, Потемкинъ недѣли на двѣ удалился отъ двора въ Нарву, подъ предлогомъ болѣзни. Его недоброжелатели торжествовали, воображая опалу, однако князь явился въ царскосельскомъ дворцѣ въ прежнемъ блескѣ величія, и благосклонный приемъ, оказанный ему императрицею, былъ живѣйшимъ опроверженіемъ происковъ, сплетенныхъ противъ Потемкина его врагами. Въ это же время при дворѣ началось быстрое повышеніе графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова.¹⁾ Это ничтожество не могло быть

¹⁾ Гр. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19-го сентября 1758 † 29-го сентября 1803 г.). См. «Рус. Стар.» 1871 г. томъ III, 678, 687; томъ IV, 386, 396. 1872 г. томъ V, 253—254, 461—462; томъ VI, 415. 1874 г. томъ X, 35.

опасно Потемкину; къ тому же, Мамоновъ, выведенный въ люди княземъ, самъ заискивалъ благосклонности могучаго любимца. Доказательствомъ могъ служить тотъ золотой чайникъ съ надписью: plus unis par le coeur que par le sang (соединены болѣе сердцемъ, нежели узами крови), о которомъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ (20-го іюля 1786 года). Въ исходѣ 1786 года борьба съ Потемкинымъ была непосильна не только Дмитріеву-Мамонову, но и кому-либо другому, болѣе обширнаго ума и способностей.

Намѣреніе императрицы посѣтить въ слѣдующемъ 1787 году Еваторинославское намѣстничество и Таврическую область сдѣлалось формально извѣстнымъ, и Потемкинъ изъ Петербурга поспѣшилъ въ Кременчугъ, для распоряженій къ встрѣчѣ императрицы, намѣревавшейся обзрѣть, по ея шутивому выраженію, «свое маленькое хозяйство». Къ пріѣзду державной хозяйки строились временные дворцы, пролагались удобнѣйшія дороги, сооружались триумфальныя ворота, воздвигались цѣлыя города. какъ на примѣръ Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссіянами и запорожцами. Проложеніе дороги отъ Кизекермена къ Перекопу Потемкинъ поручилъ полковнику Корсакову, желая ее: «сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Еватерининскій путь»—писалъ князь инженеру. Генерал-маіору Синельникову поручено было озаботиться приданіемъ Кременчугу вида города столичнаго; архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово; наконецъ неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время къ слушанію торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Еватерины итальянскимъ капельмейстеромъ Сартти¹⁾.

Сопровождаемая огромною, блестящею свитою, императрица выѣхала изъ Петербурга (вѣрнѣе изъ царскосельскаго дворца) 7-го января 1787 года; 29-го того же мѣсяца прибыла въ Кіевъ.

¹⁾ Джіованни Сартти, даровитый композиторъ, (род. 1730 † 1802 г.). Врагичивый, низкопоклонный, пользовался покровительствомъ князя Таврическаго, а интригами своими противъ М. С. Березовскаго, довелъ его до самоубійства.

откуда 22-го апрѣля слѣдовала на галерахъ по Днѣпру въ Ковневу. Здѣсь 25-го апрѣля произошло свиданіе короля польскаго съ Екатериной; 30-го числа она приѣхала въ Кременчугъ. Потемкинъ сопровождалъ государыню отъ Кіева. Весь путь до Кременчуга состоялъ изъ непрерывнаго ряда пріятныхъ и разнообразныхъ зрѣлищъ: виды красивыхъ заселенныхъ городовъ смѣнялись маневрами пѣхоты и конницы. Трехдневное пребываніе въ Кременчугѣ произвело на императрицу отрадное впечатлѣніе. 7-го мая, близъ мѣстечка Новые Кайдаки, государынѣ представился императоръ австрійскій Іосифъ II, прибывшій никогниго, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Онъ сопровождалъ Екатерину въ Херсонъ, куда она прибыла 12-го мая—и оставалась здѣсь пять дней. Городъ, на мѣстѣ котораго еще шесть лѣтъ тому назадъ была неплодная степь, обратилъ на себя вниманіе государыни. Въ письмѣ своемъ къ Еропкину она сравнила шестилѣтнее устройство Петербурга съ Херсономъ. «Укрѣпленіе города и зданіе похвалены—говоритъ Храповицкій въ своихъ запискахъ (13-го мая 1787 г.)—въ расторопности и успѣхахъ должно отдать справедливость князю Г. А. Потемкину». 15-го числа, въ присутствіи Екатерины, спущены были на воду два линейные корабля: «Владиміръ», «Іосифъ II» и фрегатъ «Александръ» причемъ императрица пожаловала Потемкину кейзер-флагъ по его званію главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ. Изъ Херсона государыня отбыла чрезъ Перекопъ въ Крымъ. «Пріобрѣтеніе сіе важно,—отозвалась она о полуостровѣ,—предъ дорого заплатили бы за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои черезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.¹⁾ Гр. Фалькенштейнъ видитъ «другими глазами». ²⁾ 22-го мая, прибывъ изъ Бахчисарая въ Инкерманъ, императрица видѣла изъ оконъ дворца весь черноморскій флотъ, стоявшій въ севастопольскомъ рейдѣ, въ числѣ пятнадцати линейныхъ кораблей, фрегатомъ и одного бомбардирскаго судна. Во время обѣда, по приказанію Потемкина на пер-

¹⁾ Очевидно, что графъ Мамоновъ, завидуя слазѣ бывшаго своего начальника, позволялъ себѣ въ разговорахъ съ императрицею уменьшать заслуги Потемкина.

²⁾ Записки Храповицкаго 21-го мая 1787 г., стр. 36.

воспущенномъ въ Херсонѣ корабль «Слава Екатерины», былъ поднятъ кейзер-флагъ, которому со всего флота салютовали тридцатью однимъ выстрѣломъ, а по окончаніи обѣда, императрица сопровождаемая Іосифомъ II и всею свитою на шлюпкахъ, отправилась въ севастопольскій рейдъ для ближайшаго осмотра флота. Неумолимое ура сливалось съ грохотомъ пушекъ, разносилось по волнамъ Чернаго моря. Торжество Потемкина и всѣхъ его сотрудниковъ было совершенное. Осыпая князя заслуженными похвалами, готова ему щедрую награду, императрица, въ бытность свою въ Бахчисараѣ, на обратномъ пути въ Россію (28-го мая), написала слѣдующіе шутливые стихи къ завоевателю Крыма:

Князю Потемкину. ¹⁾

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
 Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
 Противъ бесѣдки той построена мечеть,
 Куда всякъ день пять разъ имама народъ влечетъ;
 Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
 Какъ уши онъ затенувъ, взревѣлъ изъ всей мочи...
 О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
 Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
 А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисараѣ
 Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь-ли мѣсто рая?
 Хвала тебѣ, мой другъ! Заявивши здѣшній край
 Ты бдѣннѣе своимъ все вѣще укрѣплай.

Ко времени пребыванія императрицы въ Крыму и торжественнаго смотра черноморскаго флота, относится слѣдующее письмо Потемкина, свидѣтельствующее о его заботливости къ преуспѣванію нашихъ морскихъ силъ, его стараніями возникшихъ на Черномъ морѣ. ²⁾

„Сколь нужны потребны для кораблей здѣсь строящихся офицеры и нижніе чины, Вы сами знать изволите; за употребленіемъ на фрегаты, здѣсь почти ничего не остается; положенное-же число на здѣшніе корабли людей много бы послѣствовало работѣ: а ежели будетъ воля ваша, чтобы сихъ отрядить, то приважите хорошихъ, а то что барышня, когда въ новое мѣсто нашлютъ дряни. Ежели бы приказали в. к. (великому князю), такъ какъ Г(генераль) адмиралу сей

¹⁾ «Р. А.» 1865 г., 622.

²⁾ Подлинникъ писанъ на перегнутомъ полулистѣ сѣрвовой полосчатой бумаги разгонистымъ почеркомъ, рукою Потемкина.

нарядъ здѣлать сказавши, что ваша воля есть, чтобъ люди были, какъ офицеры, такъ и прочіе — годные, то бы, конечно, разборъ былъ лутчей“.

„Я, матушка, прошу возрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стезямъ другаго. Прикажите посѣщѣе отправить. Цѣлую ручки ваши. Вѣрѣйшій рабъ твой князь Потемкинъ“ (помѣта внизу): „того жъ дня“.

7-го іюня императрица прибыла въ Полтаву, гдѣ на другой день произведены были маневры, изображавшіе битву 27-го іюня 1709 года. Войсками, состоявшими изъ легкоконныхъ полковъ, начальствовалъ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.¹⁾ О нихъ Екатерина отозвалась Еропкину, по прибытіи своемъ въ Москву: «я видѣла въ Полтавѣ легкоконные полки; лучше этихъ полковъ ничего видѣть нельзя!» Въ тотъ же день (8-го іюня 1787 года) Потемкину было пожаловано прозваніе Таврическаго.²⁾

11-го іюля 1787 г. императрица возвратилась въ Петербургъ. На пути, при остановкахъ для отдохновенія, Екатерина удѣляла время на заочную бесѣду съ княземъ Таврическимъ, письменно увѣдомляя его о состояніи своего здоровья и подробностяхъ обратнаго пути. 17-го іюля 1787 г. Потемкинъ писалъ къ ней изъ Кременчуга:³⁾

„Матушка государыня! Я получилъ ваше милостивое писаніе изъ Тфери. Сколь мнѣ чувствительны онаго изъясненіи, то Богу извѣстно. Ты мнѣ паче родной матери, ибо попеченіе твое о благосостояніи моемъ есть движеніе, по избранію учиненное. Тутъ не слѣпой жребій. Сколко я тебѣ долженъ; сколко много ты здѣлала мнѣ отличностей; какъ далеко ты простерла свои милости на принадлежащихъ мнѣ; но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мнѣ причинить у тебя зла и всѣ коварства не могли имѣть успѣху. Вотъ что рѣдко въ свѣтѣ: непоколебимость такого (такой) степени тебѣ одной предоставлена.“

¹⁾ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (род. 2-го ноября 1740, † 8-го ноября 1830 г.). См. о немъ «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 47; томъ IV, 400—401; 1872 г., томъ VI, 407; 1874 г., томъ X, 35.

²⁾ См. Русская Старина 1873 года, томъ VIII, стр. 855.

³⁾ Подлинникъ на полулистѣ сѣровой бумаги, на двухъ съ половиною страницахъ.

„Здѣшній край не забудетъ своего счастья. Онъ тебя зрѣть присно у себя, ибо почитаетъ себя твоею вотчиною и крѣпко надѣется на твою милость.

„Благодарю за Катеньку,¹⁾ которая хвалится чувствительно милостями, ей оказанными. Впрочемъ, у насъ все благополучно; я ѣду въ Елисаветъ(градъ) отъ здѣшнихъ несносныхъ жаровъ, тамъ мѣсто выше; однако-жь, благодаря Бога, болѣзней нѣтъ, а ежели кто и занеможетъ, выздоравливаетъ скоро. Прости моя благотворительница и мать, дай Боже мнѣ возможность доказать всему свѣту, сколько я тебѣ обязанъ будучи по смерти вѣрнѣйшій рабъ князь Потемкинъ-Таврическій“.

Кременчугъ, 17-го іюля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Екатерина Михайловна Азанчевская (1767 † 1-го ноября 1792 г.) дочь бѣднаго дворянина, по ходатайству Потемкина, пожалованная въ фрейлины. (См. «Русская Старина» 1871 г., томъ IV, стр. 396). Еще того вѣрнѣе можно предполагать, что Потемкинъ говоритъ о племянницѣ своей, графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ (1771 † 1829 г.). См. «Русская Старина», томъ II, 1870 г., стр. 476—477.